

И САМИ, КАК ЖИВЫЕ КАМНИ, УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ ДОМ ДУХОВНЫЙ

11 (49)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВА

июнь
2006

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

СОКРОВИЩЕ ВЕРЫ

Из стоявшего в повестке дня Рождественских чтений 2006 года и не прочитанного из-за запрета архиепископа Псковского Евсевия доклада протоиерея Павла Адельгейма*

I. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

*«Что имеем, не храним»
(III. Руставели)*

Известный профессор богословия с горечью сказал: «К чему рассуждать о соборности? Это слово пора вычеркнуть из Символа веры». Так он выразил тревогу за судьбу Церкви, теряющей свойство соборности. Вычеркнуть нельзя. Можно игнорировать. Можно жить так, как будто этого слова никогда не было в Символе. Всё останется по-прежнему. Будет выполняться богослужебный Устав, сохранятся канонические правила, епископы будут благословлять и управлять, священники будут совершать Таинства, народ будет петь акафисты. Не будет только Православной Церкви. Будет «Другая церковь», которой не нужна соборность.

Определённая четырьмя догматическими признаками, Церковь неповторима, как черты человеческого лица: разлёт бровей, крутизна лба, очерк губ, разрез и выражение глаз. Догматические свойства Церкви идентифицируют её как дактилоскопический узор. Другой рисунок пальцев принадлежит другому человеку. Основанная Богочеловеком, Церковь ведёт свою историю от св. апостолов. Вселенские Соборы определили её четырьмя признаками, позволяющими идентифицировать её во все времена по всей Вселенной. Выявляя догмат о Церкви, святые отцы словно провидели провал экулезиологического сознания, который в последние времена обнажает свою зияющую пустоту. Единство Церкви подменяется господством, которое Христос запретил своим апостолам. Соборность Церкви подменяется клерикализмом. Осуждённые Евангелием клерикализм и господство, разрушают православную экулезиологию, повторяя богословскую ошибку Римской церкви. Клерикализм и господство становятся главными злодеями экулезиологии. Подменяя единство Церкви господством над ней, пастыри приватизируют стадо Христово. Игнорируя соборность, отнимают свободу во Христе. Перед лицом такой опасности следует задуматься о догматическом смысле исповедания «πιστεύω εἰς μιαν καθολικὴν Εκκλησίαν», переведённом славянскими словами «верую во единую соборную Церковь». Лишённая единства и соборности, Церковь не будет апостольской, «назданной на основании апостол и пророк, сущу краеугольному Самому Иисусу Христу»¹. Это будет «Другая церковь», лишённая апостольских корней. Возможно, она трансформируется в уникальный бюрократический аппарат, великолепно

Дуччо ди Буонинсеня. Явление Христа апостолам дверем затворенным. Сиenna, 1311 г.

организованный для осуществления политических и коммерческих задач. Уттара соборности не есть «потеря качества». Это не «шах» и не «пат». Это «мат».

«Четыре свойства Церкви находятся в таком гармоничном сочетании, что, упразднив или изменив характер одного члена этого четверочастного различия, мы упраздним само понятие Церкви или же глубоко его изменим, от чего изменится характер других её свойств»².

II. «ЕККЛНГИА-ЦЕРКОВЬ»

Отцы Вселенского Собора лаконично изложили догмат о Церкви в пяти словах. Субъект определяется четырьмя признаками: верую во единую, святую, соборную и апостольскую Церковь. Греческий Символ Веры определяет богословское понятие «Церковь» словом «εκκλεσία». На славянский язык «εκκλεσία» переведено термином «Церковь», ведущим свою этимологию от другого греческого слова «κιριακόν» – «κιριακή οἰκου». Эти два слова в греческом языке имеют разные корни и разное семантическое поле. В славянском богословии слова «Екклесия» и «Церковь» имеют тождественный смысл, выражают одно и то же понятие, хотя и различаются оттенками значений и стилистической окраской.

Романские народы сохранили в своих Символах Веры греческое «εκκλησία»: французы – *eglise*, испанцы – *iglesia*. Армяне (екегези) и грузины (екклесия). Все они сохранили первоначальный корень слова, отвеча-

ющий исходному понятию – собрание. Какое понятие связано было с этим словом у греков четвертого века? Возможно, городского вече, народного собрания, на которое собирались все граждане для решения насущных городских проблем – водопровода, торговли, строительства храма или школы, выбора магistratov и назначения полицейских.

Вселенский Собор определил словом «Екклесия» новую сущность – богочеловеческий организм Христовой жизни. Четыре индивидуальные признаки определяются в Екклесии бытие Тела Христова, составленного из множества органов, множества клеточек, из множества членов, оплодотворённое Святым Духом.

«Древнее славянское слово «цркъ» и немецкое «Kirche», английское «church» стоят в одной линии и происходят от одного корня, от греческого «κιριακόν»; этим словом греки IV и V вв. обозначали церковь как здание, храм»³ («κιριακὴ οἰκου» – Дом Господень.) «Дом Божий, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины». («εν οικῳ θεου... η τις εστιν εκκλεσία θεου ζωντος»). Апостол Павел отождествляет два разнокоренных греческих слова. Славянский перевод слова обоснован поэтическим образом, взятым из авторитетной церковной книги «Пастырь» писателя второго века Ерма. Как «εκκλεσία» соединяет множество либо в одно собрание, так строительные камни, соединённые в стенах храма, образуют его архитектонику.

(Продолжение на с. 4-5)

* Фрагменты доклада были опубликованы в «Кифе» N 41

В номере:

Как нам жить
в братстве
вместе с
детьми и
молодёжью?

Детско-юношеский
центр приглашает
к совместному
размышлению над
концепцией детс-
кой и молодежной
работы

С. 6

Два замечательных
дня, прошедших на
одном дыхании
О праздновании дня молоде-
жи рассказывают его участ-
ники
С. 6-7

Можно ли победить
ад?

Попробуем принять горест-
ную весть, прожить её,
нести беспамятным людям,
и, возможно, туман, окути-
вающий наше прошлое,
начнет рассеиваться...

С. 7

Детскость есть дар
небес

В продолжение начатой в
прошлом номере пушкин-
ской темы мы публикуем
отрывок из статьи прот.
Сергия Булгакова «Жребий
Пушкина»

С. 7

Общественное
движение трудящихся-
христиан

В гостях у Преображенско-
го содружества
С. 8

В приложении
«Открытая
встреча» читай-
те ответы на
вопросы и
размышление
С. Зайденберга
о новой пьесе
Сергея Юрско-
го

4

июнь 2006

КИФА

Тема

СОКОРОВИЩЕ ВЕРЫ

Из стоявшего в повестке дня Рождественских чтений 2006 года
и не прочитанного из-за запрета архиепископа Псковского Евсевия
доклада протоиерея Павла Адельгейма

(Начало на с. 1)

Ерм описывает созидание Церкви в образе башни, строящейся из белых камней на водах. Ангелы кладут в стены башни только отшлифованные и тщательно подогнанные камни. Камни подогнаны друг к другу так плотно, что башня смотрится как монолит. Не всякий камень кладут ангелы в стены. Одни камни недостаточно отшлифованы и нуждаются в дополнительной обработке. Ангелы откладывают их в сторону. Другие камни не подходят по цвету и качеству, повреждены глубокими трещинами. Ангелы отбрасывают их прочь, как непригодные для строительства башни. Для постройки можно употребить только кубические камни. Красивые, но круглые камни оказались непригодными. Их нельзя плотно подогнать друг к другу. Ангелы полагали их снаружи около стен.

В качестве символического образа Иисуса Христа, апостолов и всех христиан, «камень – η πέτρα» проходит через книги Священного писания: «Камень же бе Христос» (*η πέτρα δε τοῦ ο Χριστός*); «Сущу краеугольному самому Иисусу Христу», «камень, который отвергли строители, сей бысть во главу угла»; «ты – Петр, и на камени сем воздвигну Церковь Мою». «Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устройяте из себя дом духовный».

«Дом духовный», построенный из живых камней, есть «Екклесия-Церковь».

Рассматривая «церковь» в образе здания, архитектурного творения человеческих рук, мы видим тот же самый замысел Божий о Церкви как Теле Христовом, запечатленный в архитектурных формах храма. Эти формы передают структуру человеческой плоти: голова – купол, барабан – шея, восьмиконечник – плечи, четырехконечник – туловище и глубоко укоренённый в земле фундамент – ноги. А возносящийся над куполом крест, словно руки, с мольбою воздетые к небу. Храм является образом человека, молитвенно предстоящего перед Богом. Не дерево, не камень призваны вместить Бога, но человек, во образ которого созидается храм (*λοος θεου*). «Бог...не в рукотворенных храмах живёт»: *κυριος ουκ εν χειροποιητοις ναοις κατοικει*.

Екклесия-Церковь сочетает един-

ство и множество, выявляя два аспекта: Воплощение Логоса и Сошествие Святого Духа. Храм олицетворяет Екклесию. Церковь запечатлевает свою богочеловеческую природу в вещественном образе храма. Он обозначает место, где собирается Церковь. Она обозначает состоявшуюся встречу собравшихся. Одно понятие выражает возможность. Другое – её актуализацию. Оба понятия выражают человеческое соучастие в Богоявлении: «Словом плоть бысть и вселился в ны». В обоих случаях выявляется единство, собранное во имя встречи с Богом. В первом случае церковь выражает предметное понятие «тела» и «храма». Во втором случае «церковь-екклесия» обозначает локальное собрание верующих, объединённых патриархатом, епархией, приходом. Изменение масштаба не разрушает церковную целостность, пока не рассекается живая структура церковного организма. Разрушается Церковь, когда епископат отделяется от клира и народа Божия, превращаясь в независимый и непроницаемый аппарат господства. В любом масштабе Церковь-Екклесия сохраняет свою сущность-полноту и целостность Тела Христова, пока епископ, клир и народ связаны единством веры и молитвы, единства и жизни.

III. ТЕЛО ХРИСТОВО

Сущность Церкви описана четырьмя догматическими признаками. Каждый из них обладает полнотой и однозначностью смысла. Два признака указывают корни Церкви. Святость (*αγίαν*) – её небесный корень в Духе святом, и apostolstvo (*αποστολικήν*) – её земное начало, укоренённое в человеке. Как вселенская ось, Церковь имеет две точки опоры. Она укоренена на небе и на земле. Два других признака описывают её сущность *πλοτεύω... εἰς μιαν καὶ καθολικὴν Εκκλησίαν*.

Церковное единство имеет уникальный характер, который апостол Павел описывает физиологическим образом тела, имеющего многие органы и члены, связанные общей жизнью в один организм. Единство выражает не только функциональную или психологическую связь человеческих личностей в континууме. Единство Церкви предполагает не отвлечённое понятие человеческого сообщества, а конкретную

сущность, которую апостол Павел называет «Тело Христово». Мы называем его «общиной», церковью – екклесией. Апостол Пётр называет общину верных «дом духовный, устроенный из живых камней, род избранный, царственное свящество, народ святой, священство святое».

Органы человеческого тела не похожи друг на друга, но взаимодействуют согласованно, ибо живут общей жизнью. Они не борются между собой, но заботятся друг о друге. Если сердце человека не в ладах с разумом, он не здоров. Здоровое единство Церкви не только внешне, но и внутренне согласовано. «Мы, многие, составляем одно тело во Христе; в одном теле у нас много членов». «Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело: так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело...и все напоены одним Духом. Тело же не из одного члена, но из многих. Членов много, а тело одно. Бог соразмерил тело... дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. Страдает ли один член, страдают с ним все члены». «Мы члены тела Его, от плоти Его и от костей Его».

Не всякое единство имеет богословский смысл. Полнота собранного множества может иметь как сущностный, так и формальный характер: статистические факты или сумму отдельных лиц. Сущностное единство екклесии имеет нравственную ценность и богооткровенное обоснование. Его определяют словами, выражирующими различное качество. Единство может быть неслитным и нераздельным, например единосущие Отца, Сына и Святого Духа. Это совершенное единство. Единство может быть нераздельным: целостность (телесность) предполагает живой организм. Разделение убивает его. Единство может быть неслитным: соборное единомыслие оставляет каждой личности свободу сердца, ума и совести в отличие от формальной согласованности демократического консенсуса или корыстного говора. Полноту выражает не всякая совокупность, общность, куча, монолит, взвеси и смеши. Церковное единство должно быть сущностным и доброкачественным. Его идеал – единосущная и нераздельная Святая Троица. Оба определения *«εις μιαν* и *«καθολικὴν*» не вводят новые качества, но оттеняют родовое понятие «екклесия-церковь» признаками, выражющими его сущность.

Человеческое тело устроено иерархично. Органы и члены различны, но одинаково необходимы для тела. «Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна»; или также голова ногам: «вы мне не нужны». Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения... Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле». Этим физиологическим образом апостол Павел указывает на иерархическое устройство Церкви. Тело Христово сочетает своё онтологическое единство с иерархическим различием даров и служений.

Двумя характеристиками церковного единства – неслитного и нераздельного – являются свобода и любовь. Вне этих признаков единство искажается в господство или договор. Единство, лишённое свободы, обращается в наси-

лие и порабощение. Его называют «господством». Только в свободе возможны духовные акты: покаяние, прощение и примирение. Если свободы нет, отношения теряют нравственную ценность и превращаются в правовые акты.

Без любви единство лишено церковного содержания. Если нет любви, общение осуществляется вне Бога. Только «пребывая в любви, в Боге пребываешь, зане Бог любы есть». Любовь определяет «церковность» единства, которое созидается посредством любви: взаимного прощения, терпения, смирения – тех царственных сил духа, которые называет апостол в посланиях «Коринфянам» и «Галатам». Плоды этого духа: свобода и милость, кротость и мир, радость и вера. Святоотеческий принцип взаимоотношений всегда полагал единство в главном, свободу во второстепенном, а во всём – любовь.

Господство строится на самодостаточности и насилии. Его плоды: принуждение и нетерпимость, зависть и кощунство, пренебрежение к человеку и жестокость. Лишённое любви и свободы, единство неизбежно вырождается в господство.

Принцип единства сам по себе не несёт ни количественной, ни качественной характеристики. Лишённый соборности, принцип единства может вырождаться в «единственность», «исключительность», «отделённость», «элиту». Это вариант раскола Церкви, который учиняет епископ, объединяя вокруг себя не всю Церковь, а группу лиц, отобранных по случайному признаку (например, по личной симпатии, преданности или по типу благочестия). Епископ становится стержнем, вокруг которого его человеческая прихоть формирует не Церковь, а партию. Определяясь случайными признаками взамен соборности, партия епископа неизбежно противопоставляет себя Церкви. Так епископ в собственной епархии может основать раскол, природа которого остаётся невыявленной. В истории не раз епископ-еретик объединял вокруг себя сторонников, противопоставляя своё соборище соборной Церкви.

Потому Церковный Собор 1917-18 г. учредил контролирующую власть, что единение может быть в Святом Духе, а может быть в ереси, корысти или ином грехе. С внешней стороны единство похоже на единоначалие. Их внешнее сходство позволяет подменить одно другим. Единство многих и господство над многими трудно различить со стороны. Ещё труднее доказать это различие. Однако, они не тождественны. Они также принципиально различны, как организм и механизм.

Одно – живое, а другое – мёртвое.

Было бы обманом выдать за «единство» общую канцелярию или контору Управления (административного, хозяйственного, политического). Институция выражает единство не церкви, а её канонической структуры. Единство осуществляется во взаимопонимании, общем согласии, верности всех членов Церкви своему «Единству», а не канцелярии: «возлюбим друг друга, да единомыслием исповедуем Святую Троицу». Епископ или архиерейская корпорация выражают «единство Церкви», но не заменяют Церковь. Между понятием «церковный Собор» и понятием «Церковь» нельзя поставить знак равенства. Святитель Киприан говорит о единстве епископа с Церковью, но не отождествляет эти две сущности. Епис-

Дуччо ди Буонинсеня. Взятие Христа под стражу. Сиenna, 1311 г.

КАК НАМ ЖИТЬ В БРАТСТВЕ ВМЕСТЕ С ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ?

Детско-юношеский центр приглашает к совместному размышлению над концепцией детской и молодежной работы

Сегодня мы много говорим о призвании нашего братства, говорим о необходимости обновления жизни, о том, какой должна быть церковь и какими должны быть мы в церкви. Решая задачу обновления, нам необходимо пересмотреть все стороны нашей жизни, в том числе разобраться с тем, как нам жить в братстве вместе с нашими детьми и молодежью – каково их место в церкви, в братстве, каким должно быть наше отношение к детям и молодежи, какой должна быть наша с ними общая жизнь. Все эти вопросы кажутся простыми только при первом взгляде, но чем внимательнее мы их рассматриваем, тем честнее пытаемся решить их практически, тем сложнее они оказываются.

Братству и нашему детскому-юношескому центру необходима продуманная и ясная концепция жизни с детьми и молодежью.

В марте этого года прошел расширенный совет детскo-юношеского центра Преображенского содружества. Он был очень плодотворным, в том числе благодаря удачной форме его проведения. Работала небольшая рабочая группа (семь человек), которая формулировала заранее продуманные принципы концепции ДЮЦ, остальные участники (25 человек) были наблюдателями до тех пор, пока рабочая группа не закончила работу. Затем все остальные получили возможность высказать свои замечания и предложения. В результате получилось 29 пунктов концепции, часть которых оказалось возможным объединить, после чего осталось 20 пунктов. Плод наших совместных усилий мы предлагаем для рассмотрения всего содружества с тем, чтобы выработать единое понимание в этом вопросе, а также для того, чтобы каждый имел возможность поделиться своими размышлениями, предложениями, замечаниями и т.п.

Вот некоторые из этих принципов жизни содружества с детьми и молодежью:

– Преображенское содружество малых братств ставит задачу церковного воспитания, воцерковления детей и молодежи.

– Оно находит место детям и молодежи, включает детей и молодежь в свою среду, готовит их к сознательному выбору христианского пути, к возможности взрослого воцерковления, принятию для себя общинной и братской жизни как их личной целожизненной нормы.

– Взрослые члены братства берут на себя часть духовной ответственности за детей и молодежь в том случае, если хотя бы один из родителей является членом братства.

– Свою ответственность за детей до 16-17 лет несут, прежде всего, родители. Ее разделяют и все взрослые члены общин и братств, даже не имеющие детей и семьи.

– Братство должно само иметь, а также помогать родителям обретать церковную ответственность за детей.

– Братством осознана необходимость поэтапности воцерковления детей и молодежи. Для осуществления поэтапности необходима встречная духовная ответственность сообщества взрослых за подготовку к этапам воцерковления и за обеспечение реальности изменений жизни детей и взрослых после их прохождения.

– Особое попечение братство (вместе с родителями) несет за подростков и молодежь.

– Общая жизнь взрослых, детей и молодежи требует выстраивания традиций, определения границ и норм жизни.

– Общая жизнь требует достижения полноты церковности как всех членов движения, так и общин и братств.

– Необходимо преодолеть параллельность и разорванность жизни, все события в жизни детей и молодежи в братстве необходимо связывать с общим движением братства и его призванием.

– Поддержание и развитие общей жизни требует достижения единства и единомыслия, доверия, открытости, «прозрачности» жизни, расширения границ, консолидации со всеми живыми силами церкви и общества.

– Дети и молодежь братства могут иметь собственные формы жизни, связанные с жизнью в детской и молодежной среде, с решением задач поэтапного взросления (например, детские группы, молодежное движение, братские кружки, секции, клубы и т.п.).

– Детские группы, молодежное движение и другие формы жизни детей и молодежи должны возникать по принципу дополнительности к церковной и социальной жизни. Между ними должно происходить общение, взаимная помощь, взаимодополнение, обмен опытом и методиками.

– Братство отвечает за духовную подготовку и деятельность руководителей групп, движений и пр.

– При организации различных детских программ необходимо учитывать степень церковности и духовный опыт детей и молодежи или его отсутствие.

– Необходима духовная помощь братства в воцерковлении семей, налаживании их нормальной церковной жизни на условиях взаимности.

Призываю, пожалуйста, ваши вопросы, предложения и размышления:

председателю ДЮЦ Чернышевой Н.К.
по адресу: chern_natali@mail.ru

ДВА ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ДНЯ, ПРОШЕДШИХ НА ОДНОМ ДЫХАНИИ

О праздновании дня молодежи рассказывают ее участники

30.04.06

Первое впечатление – очень короткий день. Вместилось в него много, но вечер остался незаполненным.

Хотелось побывать на всех круглых столах, минимум на двух, Пришлось делать выбор. Я пошла на «Как сохранить верность Богу, живя в мире сем».

Очень хотела и на второй: «Как свидетельствовать о вере». Но свой выбор я обосновала для себя тем, что нужно сначала разобраться с темой первой, как первой ступенью, а потом уже шагать выше.

Мне показалось, что темы были подобраны по возрастающей, т.е. в виде «лестницы».

Благодать можно почувствовать, только находясь в ней, но описать трудно. Мне было очень хорошо. Переполняла радость и любовь ко всем присутствующим.

Удалось познакомиться с людьми, которых раньше просто видела на Покровке и в храме. Встрети-

лась и со старыми знакомыми. Надеюсь, что для меня и для моей молодежной группы это будет шаг к большому молодежному движению и в него. Очень бы этого хотелось. Потому, что это и есть жизнь, а не то, что существует в школе или на улице (в большинстве случаев).

29.04.06

Мне очень понравилась вечерня. Может быть, так нельзя говорить, ведь это служба. Очень приятно удивило, что вся молодежь, бывшая в часовне, пела. Пели все. Даже я (обычно стою и слушаю) тоже запела со всеми. Ведь это была общая, единная радость, к которой хотелось приобщиться.

Пожелание: может быть, чуть-чуть чаще устраивать подобные встречи. Все-таки 1 раз в год не хватает. Они воодушевляют, дают силы. А у нас только один день молодежи из двух коротеньких дней. Можно

было бы на соборах отделять один день для молодежи?

В любом случае, огромное спасибо за такую возможность. Эти дни много значат, думаю, для очень многих.

Встреча в целом дала возможность поделиться опытом, разобраться в своих мыслях и более четко, чем представляла сама, обозначить ответы на вопросы. Живя в «мире сем», я, бывало, запутывалась и терялась в правильных и неправильных мыслях, своих и чужих. Ведь иногда грани бывает тонкая. И тем более мне, как подростку, разобраться в них нелегко. А круглый стол все-таки показывает, где искать «стержень», стержень жизни. И хоть немного направляет на путь.

Елена ОСИПОВА, 17 лет

Продолжение темы - на с. 7

На вечере памяти Ефросиньи Керсновской, который проходил в первый день празднования Дня молодежи в фонде им. А. Сахарова, присутствовало довольно много народа. Кое-где виднелась и молодежь, значительную часть из которой составляли гости из Ростовской православной гимназии.

Начался вечер: спокойные и культурные люди свидетельствовали о встрече с необычайным человеком. Затем был фильм по ее воспоминаниям. О Ефросиньи Керсновской я не знал ничего, кроме того, что она была заключенной ГУЛАГа. Нужно отметить, что для меня лагерная тема была закрыта рассказами Варлама Шаламова. Он раскрыл передо мной ад, который не так давно существовал на земле, на нашей родной земле. Ты видишь, как устроен комбинат смерти: государство получает двойную выгоду — и производство идет, и людишки вредные помирают. А то ведь расстрелы, расход боеприпасов, да и толку от покойников нет. Видишь, как человеческая душа становится подобна окружающей тундре: холодной, пустой, мертвой. Видишь, как умирают в человеке доброта, честность, достоинство. А на смену приходит чувство голода, злобы, зависти и ненависти. После того, как я

МОЖНО ЛИ ПОБЕДИТЬ АД?

прочел Шаламова, стал видеть мир немного другим. Понял, что ему нельзя верить, что всегда существует в нем сила, которая в подходящий момент проявится во всем своем кошмарном величии.

Но вот история Ефросиньи Керсновской рассказанная. Напряженная тишина. Трудно понять, откуда такие люди берутся, как можно так высоко жить? Почему у некоторых людей совесть сильна настолько, что сильнее голода, холода, страха? Как можно не просто противостоять злу, но и побеждать его, и побеждать безоговорочно его крайние и страшные проявления. Откуда столько смелости и силы? Что это

— случайная аномалия совести, подобная огромному росту или шестому пальцу, дар неба, который получить так же легко, как выиграть лотерею или это то, что может достичь любой человек? И почему я не такой? И еще я понял, что был не прав. Ледяной бастон ужаса, выстроенный Шаламовым, окрасился светом надежды, оплыл от огня человеческого сердца. Ее жизнь показывает лагерь с иной стороны. Он для нее не запредельное зло, вторгающееся и разрушающее жизнь, буйство злобной стихии, а то место, где ее совесть, ее сердце подвергнется предельному испытанию. Она готова пойти на него и смело бросается в неравный бой. Шаламов выжил в лагере, Керсновская же победила.

Её история потрясает, но останется ли она в моем сердце, изменит ли его как «Колымские рассказы»? И почему даже самые пронзительные истории исчезают из памяти не оставляя следа в душе? Постепенно даже Магадан и Колыма становятся для нас просто страшной сказкой, исчезают из памяти. Мы много говорим о том, что еще не усвоили урока истории, что нужно войти в наследие новомучеников, но не очень представляем, как это сделать. Что позволит нам оживить эту память? А ведь у нас есть ключ!

В четырех Евангелиях показывается один образ — Иисуса Христа. Но каждое открывает нам Спасителя немного по-разному, благодаря чему мы можем видеть Его как бы объемно. Нужна «Горестная весть» о воплоще-

нии мрака в этом мире, в нашем доме. Подобно Благой Вести она должна показывать нам объемную картину, позволяющую понять тайну зла, феномен ГУЛАГа, различать в настоящем его изменчивые очертания, и, кроме того, давать надежду на победу над смертью, силы в борьбе за добро и свет. Думаю, что в её «канон» должны войти «Колымские рассказы» — яростное обличение сталинской системы смерти, погружающее нас в мир бесчеловечного существования человека, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына и дневники Ефросинии Керсновской — документ, подтверждающий: ГУЛАГ не всесилен! Попробуем принять горестную весть, прожить её, нести беспамятным людям, и, возможно, туман, окутывающий наше прошлое, начнет рассеиваться, склероз, поражающий разум нашего общества, отступит, и жизнь Родины станет немного светлее.

Михаил ЛУКИН, май 2006

ДЕТСКОСТЬ ЕСТЬ ДАР НЕБЕС

В продолжение начатой в прошлом номере пушкинской темы мы публикуем отрывок из статьи прот. Сергея Булгакова «Жребий Пушкина»

Природный облик Пушкина отнесен не только исключительной одаренностью, но и таковым же личным благородством, духовным аристократизмом. Он родился баловнем судьбы, ибо уже по рождению принадлежал к высшему культурному слою старинного русского дворянства, что он сам в себе знал и так высоко ценил. Конечно, он наследовал и всю распущенность русского барства, которая еще усиливалась его личным «африканским» темпераментом. При желании в нем легко и естественно различается психология «класса» или сословия, как и обращенность к французской культуре, с ее утонченностью, но и с ее отравой. Величайший русский поэт говорил и мыслил по-французски столь же легко, как и по-русски, хотя творил он только на родном языке. Даром и без труда дана была ему эта приобщенность к Европе, как и лучшая по тому времени школа, столь трогательно любимый им Лицей. Сразу же после школы он вступил на стезю жизни большого света, с ее пустотой и распущенностью, и спасла его от духовной гибели или онегинского разложения его светлая муз. Пушкину природы, быть может, как печатать его гения, дано было исключительное личное благородство. Прежде всего и больше всего оно выражается в его способности к верной и бескорыстной дружбе: он был окружен друзьями в юности и до смерти, причем и сам он сохранил верность дружбе через всю жизнь. «Пушкинисты» очень интересуются «дон-жуанским» списком Пушкина, но не менее, если не более интересно остановиться и над его дружеским списком, в который вошли все его великие или значительные современники. Эта способность к дружбе стоит в связи с другой его — и надо сказать — еще более редкой чертой: он был ис-

полнен благоволения и сочувственной радости не только лично к друзьям, но и к их творчеству. Ему была чужда мертвящая зависть, темную и иррациональную природу которой он так глубоко прозрел в «Моцарте и Сальери». Подобен самому Пушкину его Моцарт, соединение гения и «гуляки праздногого»:

*За твоё здоровье, друг, за искренний союз,
Связующий Моцарта и Сальери,
Двух сыновей гармонии!*

Это голос самого Пушкина. Отношение Пушкина к современным писателям озарено сиянием этого благоволения: кого только из своих современников он не благословил к творчеству, не возлюбил, не оценил! Он был поистине братом для сверстников и признательным сыном для старших. Нельзя достаточно налюбоваться на эту его черту. Даже его многочисленные эпиграммы, вызванные минутным раздражением, порывом гнева, большой частью благородного, или даже недоразумением, свободны от низких чувств. Есть еще и другая черта — природная, но и сознательно им культивированная, которая имеет исключительную важность для его облика: Пушкин не знал страха. Напротив, его личная отвага и связанное с этим самообладание давали ему неведомую для многих свободу и спокойствие. Достаточно вспомнить его в азербумском походе (по воспоминаниям и его собственным запискам), или это утро последней дуэли, когда он за час до оставления дома пишет деловое письмо Ишимовой и зачитывается ее книгой с таким самообладанием, как будто то был самый обыкновенный день в его жизни. «Есть наслаждение в бою и бездны мрачной на краю». «Перед собой кто смерти не видал, тот полночь веселья не вкушал». «Ты, жажда гибели, свободный дар героя!» Эта черта

зримо и незримо пронизывает всю его жизнь, придает ей особую тональность свободы и благородства. Нельзя, однако, не видеть, сколь часто эта его безумная отвага овладевала им, а не он владел ею: отсюда не только бесстрашное, но и легкомысленное, безответственное отношение к жизни, бретерство, свойственное юности Пушкина в его дуэльных вызовах по пустякам, как и последнее исступление: «чем кровавее, тем лучше» (сказанное им между разговором Соллогубу о предстоящей дуэли). Страх не связывал Пушкина ни в его исканиях смерти, ни в стихийных порывах его страстей. И это свойство освобождало в нем необузданную стихийность, которая вообще характерна для его природы. Движение страстей овладевало им безудержно и безоглядно. Предохранительные клапаны отсутствовали, задерживающие центры не работали. Когда Пушкин становился играющим стратей, он делался страшен (рассказ Жуковского в разговоре с Соллогубом о Геккерне: «Губы его дрожали, глаза налились кровью. Он был до того страшен, что только тогда я понял, что он действительно африканского происхождения»). Пушкин был стихийный человек, в котором сила жизни была неразрывно связана с буйством страстей, причем природные свойства не умерялись в нем ни рефлексией, ни аскетической самодисциплиной: он мог быть — и бывал — великий и высок в этой стихийности, но и способен был к глубокому падению. С этим связана и пушкинская эротика, которая находит для себя печальное выражение в его юношеской поэзии, — отчасти под влиянием французской литературы. Пушкину пришлось горячо и искренне каяться в этом — с истинным величием и беспощадной правдивостью, ему свойственными. Печаль-

ное проявление той же стихийности в Пушкине мы наблюдаем — притом на протяжении всей его жизни — также в страсти к картам, которая странным образом соединяется в нем с полной трезвостью и даже некоторой практичностью в денежных делах.

Эта африканская стихийность в Пушкине соединялась с пленительной непосредственностью, очаровательной детскостью поэта. Нельзя было не любоваться на этого веселого хохотуна, кипучего собеседника, шаловливого повесу. Он может с одинаковым самозабвением петь на базаре с слепцами, странствовать с цыганами, по-детски хлопать себе самому в ладоши за свое «Бориса», скакать под пулями впереди войск на Кавказе, как и — увы! — отдаваться буйству Вакха и Киприды. Детскость есть дар небес, но и трудный, иногда даже опасный дар, лишь тонкая черта отделяет его от ребячливости или, как мы бы сказали теперь, от инфантилизма и безответственности. В жизни Пушкина мы наблюдаем непрерывно двоящийся характер этого дара. Без него не было бы служителя муз, беспечного Моцарта, но и не было бы той безудержности перед соблазнами жизни, внутренними и внешними, которые мы с такй горечью в нем также видим... Ибо все двоятся в природе падшей, даже и райские дары, после потенциального рая.

1937 г.

* Мне рассказывал Л.Н.Толстой (в одну из немногих наших встреч) со слов какой-то современницы Пушкина, как он хвалился своей Татьяной, что она хорошо отдала Онегина. В этом рассказе одного великого мастера о другом обнаруживается вся непосредственность творческого гения.

